

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ.

1 ФЕВРАЛЯ

№ 3.

1867 ГОДА.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1 и 15 числа, съ Юля 1861 года. Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА.

1) Отъ 12 Декабря 1866 г. *О дозволеніи допускать къ безмездному исправленію канцелярскихъ обязанностей въ Епархіальныхъ Попечительствахъ о бѣдныхъ духовнаго званія, вмѣсто чиновниковъ, способныхъ изъ священноцерковнослужителей.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) предложеніе Господина Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 6 Октября 1866 года за № 5,626, коимъ изъяснилъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его, Господина Оберъ-Прокурора, докладу, въ 5 день того Октября, Высочайше соизволилъ утвердить предположеніе Святѣйшаго Синода о допущеніи къ безмездному исправленію канцелярскихъ обязанностей въ Епархіальныхъ Попечительствахъ о бѣдныхъ духовнаго званія, вмѣсто чиновниковъ, способныхъ изъ священноцерковнослужителей, и 2) Справку изъ дѣлъ Синода о томъ, что Преосвященный Костромскій, въ представленіи, отъ 13 Августа 1864 года за № 7,926, изъяс-

ня о затруднительномъ положеніи, въ какое Епархіальное Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, при крайней скудости получаемыхъ онымъ доходовъ, поставлено по случаю прекращенія производившагося ему восполненія изъ духовно-учебнаго капитала, испрашивалъ разрѣшенія, въ видахъ сокращенія расходовъ въ Попечительствѣ, допустить къ исправленію канцелярскихъ обязанностей въ немъ, вмѣсто чиновниковъ, способныхъ изъ священноцерковнослужителей, которые изъявляютъ желаніе исполнять это дѣло безмездно съ тѣмъ, что труды ихъ по сей части не будутъ оставлены Епархіальнымъ Начальствомъ безъ вниманія. Святѣйшій Синодъ, имѣя въ виду, а) что, по приложенному при Высочайше утвержденномъ 12 Августа 1823 года положеніи росписанію, содержаніе канцелярій въ Епархіальныхъ Попечительствахъ отнесено было на счетъ особо отпущавшихся въ пособіе Попечительствамъ суммъ изъ духовно-учебнаго капитала, за прекращеніемъ же, по Высочайше утвержденному 29 Сентября 1862 года опредѣленію Святѣйшаго Синода, отпуска таковыхъ изъ духовно-учебнаго капитала пособій Попечительствамъ, въ распоряженіи послѣднихъ не остается другихъ на содержаніе ихъ канцелярій способовъ, кромѣ Попечительскихъ суммъ; б) что обращеніе сего рода расходовъ на Попечительскія суммы видимо несогласно съ предназначеніемъ этихъ суммъ, такъ какъ по положенію о Попечительствахъ всѣ получаемые ими доходы назначаются исключительно для выдачи пособій бѣднымъ, престарѣлымъ и сиротамъ духовнаго званія; в) что при извѣстной ограниченности Епархіальныхъ Попечительствъ содержаніе чиновниковъ въ канцеляріяхъ ихъ на Попечительскія суммы неминуемо должно сокращать и безъ того слишкомъ ограниченныя размѣры назначаемыхъ изъ Попечительствъ пособій бѣднымъ духовнымъ лицамъ; г) что дозволеніе Попечительствамъ допускать къ безмездному исполненію канцелярскихъ обязанностей въ нихъ, согласно

предположенію Костромскаго Епархіальнаго начальства, вмѣсто чиновниковъ, способныхъ къ тому изъ Священноцерковнослужителей, по желанію ихъ, было бы мѣрою весьма полезною, въ видахъ сокращенія расходовъ на содержаніе особыхъ канцелярій въ Попечительствахъ, и наконецъ д) что духовныя лица, конечно, примутъ тѣмъ живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ ближе оно касается какъ собственной ихъ будущности, въ случаѣ недуговъ, или преклонности лѣтъ, такъ и будущности семействъ ихъ, а что касается порядковъ или формъ дѣлопроизводства въ Попечительствахъ, то оно, по существу своему, такъ просто, что безъ затрудненій можетъ быть производимо даже способными изъ причетниковъ, — опредѣленіемъ своимъ, состоявшимся 10 Апрѣля и 10 Мая 1866 года, признавъ необходимымъ предоставить Господину Оберъ-Прокурору ходатайствовать о Всемилостивѣйшемъ дозволеніи Попечительствамъ о бѣдныхъ духовнаго званія въ тѣхъ Епархіяхъ, гдѣ, по соображенію мѣстныхъ Епархіальныхъ начальствъ, будетъ признано болѣе полезнымъ и удобнымъ, допускать къ безмездному исполненію канцелярскихъ обязанностей въ Попечительствахъ, вмѣсто опредѣленныхъ по Положенію 12 Августа 1823 года чиновниковъ, способныхъ къ сему дѣлу изъ духовныхъ лицъ, съ тѣмъ а) чтобы предназначаемыя къ сему лица были опредѣляемы Епархіальнымъ начальствомъ не иначе, какъ по выбору духовенства изъ благонадежнѣйшихъ Священноцерковнослужителей, съ ручательствомъ избирателей за дѣйствія сихъ лицъ; б) чтобы состоящіе нынѣ въ Попечительствахъ чиновники, если они не служатъ въ то-же время и въ мѣстныхъ Духовныхъ Консисторіяхъ, при замѣщеніи должностей ихъ въ Попечительствахъ духовными лицами, были зачисляемы, если пожелаютъ, въ штаты Консисторіи, и в) чтобы тѣ изъ Священноцерковнослужителей, которые при безвозмездномъ исполненіи означенныхъ обязанностей въ Попечительствахъ, окажутъ особое по этой части усердіе, или дѣятельными

ихъ трудами будутъ способствовать возможному усиленію средствъ своего Попечительства, были вознаграждаемы за сіе предоставленіемъ имъ мѣстъ въ лучшихъ, сравнительно съ ихъ сверстниками, приходахъ, или испрошеніемъ имъ установленныхъ для духовенства наградъ. Приказали: О вышеизъясненномъ Высочайшемъ соизволеніи, для свѣдѣнія и надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства, дать знать Преосвященному Костромскому указомъ, въ послѣдствіе представленія его за № 7,926, равно и прочимъ Епархіальнымъ Архіереямъ послать печатные указы.

2) отъ 18 Ноября 1866 года. *Объ отдѣленіи ежегодно на потребности духовно—учебныхъ заведеній нѣкоторой части отъ свѣчнаго сбора и другихъ доходовъ по Архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и каедральнымъ соборамъ.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ Прокурора, отъ 11 сего Ноября за № 9933, съ изъясненіемъ: а) отзывомъ Преосвященныхъ: Нижегородскаго, Пермскаго, Костромскаго, Могилевскаго, Воронежскаго, Саратовскаго, Тульскаго, Тверскаго, Тамбовскаго и Харьковскаго, о возможности отдѣлять ежегодно на потребности духовно—учебныхъ заведеній нѣкоторую часть отъ свѣчнаго сбора и другихъ доходовъ по Архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и каедральнымъ соборамъ; и б) предположенія Хозяйственнаго Управленія о занесеніи сихъ взносовъ въ смѣту доходовъ и расходовъ на содержаніе мѣстныхъ духовно—учебныхъ заведеній.—Взносы эти, по Тамбовской епархіи, отъ монастырей слѣдующіе: Тамбовскаго Трегуляева Предтечева монастыря *сто руб. сер.*, Козловскаго Троицкаго *сто пятьдесятъ руб.*, отъ Темниковскаго Санакарскаго *двѣсти руб.*, Шацкаго

Чернѣва двести пятьдесятъ руб., Шацкой Вышенской Пустыни двести пятьдесятъ руб., отъ Лебедянского Троицкаго четыреста пятьдесятъ руб., Темниковской Саровской Пустыни пятьсотъ руб., Тамбовскаго Вознесенскаго десять руб., Сухотинскаго Знаменскаго десять руб., Кирсановскаго Тихвино—Богородицкаго десять руб., Усманскаго Софійскаго десять руб., Лебедянскаго Сезеновскаго десять руб., Темниковскаго Рождество Богородицкаго десять руб., Кадомской Женской Общины десять руб., Лебедянскон Труекуровской десять руб., Кирсановской Тишениновской Общины десять руб. и отъ Тамбовскаго Каѳедральнаго Собора десять руб. сер.

Приказали: Имѣя виду, что рекомендованная Святѣйшимъ Синодомъ мѣра,—отдѣленіе на потребности духовно—учебныхъ заведеній части свѣчнаго сбора по монастырямъ, каѳедральнымъ соборамъ и другимъ, изъятымъ отъ взноса свѣчной прибыли, церквамъ,—предположена съ тою цѣлю, чтобы весь избытокъ дохода, который чрезъ сіе получится по каждой Епархіи, исключительно былъ обращенъ на увеличеніе окладовъ содержанія наставниковъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній той Епархіи, Святѣйшій Синодъ, согласно съ заключеніемъ Хозяйственнаго Управленія, опредѣляетъ: 1) Заявленные по Епархіямъ: Нижегородской, Пермской, Костромской, Могилевской, Воронежской, Саратовской, Тульской, Тверской, Тамбовской и Харьковской, взносы на потребности духовно—учебныхъ заведеній изъ свѣчнаго сбора и другихъ доходовъ Архіерейскихъ домовъ, монастырей, соборовъ и церквей, занести нынѣ, гдѣ это не сдѣлано еще мѣстными управленіями, и впередъ заносить въ смѣту доходовъ и расходовъ на содержаніе мѣстныхъ духовно—учебныхъ заведеній, съ принятіемъ въ соображеніе объясненныхъ Преосвященными Тамбовскимъ и Харьковскимъ условій.

По выслушаніи вышеизложеннаго опредѣленія Святѣйшаго Синода, Тамбовскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ постановлено: *Настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей Тамбовской Епархіи предписать указами (и предписано), чтобы они назначенную сумму на потребности духовно учебныхъ заведеній, отдѣливъ отъ свѣчнаго сбора и другихъ доходовъ за 1866 годъ, представили немедленно въ Правленіе Тамбовской Духовной Семинаріи, и чтобы такую же сумму въ оное же Правленіе представляли и за будущіе годы, съ донесеніемъ Консисторіи о послѣдующемъ. О чемъ сообщить и Правленію Тамбовской Семинаріи, и независимо отъ сего, для свѣденія духовенству припечатать о семъ въ Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.*

О назначеніи Благочиннымъ постояннаго пособія, на удовлетвореніе расходовъ, соединенныхъ съ сего должностію.

Его Сіятельство, Господинъ Синодальный Оберъ Прокуроръ въ циркулярномъ отношеніи къ Его Преосвященству, отъ 22 Декабря 1866 года, изложилъ: Изъ ежегодныхъ отчетовъ Епархіальныхъ Архіереевъ усматривается, что Священнослужители, проходящіе должности Благочиннымъ надъ причтами приходскихъ церквей, поставлены въ затруднительное положеніе, особенно въ селахъ, безмезднымъ исполненіемъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, соединенныхъ съ отяготительными для нихъ расходами на разъѣзды по благочинническому округу, на письменные матеріалы, а иногда, при многочисленности дѣлъ, и на наемъ писцовъ.

При существующемъ воспрещеніи ассигнованія изъ Государственнаго Казначейства какихъ либо новыхъ расходовъ и за неимѣніемъ въ непосредственномъ распоряженіи Святѣйшаго Синода суммъ на возможное обезпеченіе Бла

гочинныхъ, остается надѣяться на мѣстные въ епархіяхъ способы.

Имѣя въ виду, что въ Тамбовской епархіи Благочинные выбираются самимъ Духовенствомъ, онъ, Господинъ Оберъ Прокуроръ, представляетъ на благоусмотрѣніе Его Преосвященства предположеніе свое, не будетъ ли признано возможнымъ—предложить духовенству озаботиться изысканіемъ мѣстныхъ средствъ къ назначенію Благочиннымъ постояннаго пособія на удовлетвореніе расходовъ, соединенныхъ съ сею должностію, если сего не было сдѣлано, и о послѣдующемъ просить его увѣдомить.

По слушаніи сего въ Тамбовской Д. Консistorіи, съ утвержденіемъ Его Преосвященства, постановлено: *вышеизложенное отношеніе Господина Синодальнаго Оберъ Прокурора объявить Духовенству Тамбовской Епархіи чрезъ припечатаніе въ Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, съ тѣмъ чтобы въ каждомъ Благочинническомъ округѣ мѣстное духовенство, подъ руководствомъ Духовника и Депутата, обсудило предположеніе Господина Оберъ Прокурора о назначеніи изъ собственныхъ средствъ постояннаго пособія Благочинному, на удовлетвореніе расходовъ, соединенныхъ съ его должностію, и соображенія свои о количествѣ такового пособія, за общимъ подписомъ, представило въ Консistorію, при рапортѣ Духовника, не позже 1-го будущаго Апрѣля мѣсяца,—для своевременнаго донесенія о томъ Господину Синодальному Оберъ Прокурору.*

II

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

1) О подтвержденіи священникамъ отнюдь не уклоняться отъ привода къ присягъ понятыхъ вызванныхъ землебрами, для бытія при межеваніи и земель.

Вслѣдствіе отношенія Тамбовскаго Губернскаго Правленія, отъ 2 Декабря 1866 года, о томъ, что священникъ села Сержалы Моршанскаго уѣзда Захарій Ястребовъ, за отсутствіемъ приходскаго священника села Черкина, отказался, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, отъ приведенія къ присягѣ понятыхъ, посланныхъ къ нему съ сотскимъ, по распоряженію уѣзднаго землебра Дьякова, и тѣмъ остановилъ едѣйствія по межеванію, — Тамбовская Духовная Консисто́рія согласно съ заключеніемъ своимъ, съ утвержденія Его Преосвященства, строжайше подтверждаетъ всѣмъ священникамъ Тамбовской епархіи, чтобы, по силъ 580 и 586 ст. X. т. Св. Зак. 5 какъ приходскіе священники, такъ, въ случаѣ отсутствія ихъ, священники ближайшихъ къ межуемымъ землямъ селеній отнюдь не уклонялись отъ исполненія законныхъ требованій землебра относительно приведенія къ присягѣ понятыхъ, рукоприкладствованія къ межевымъ запискамъ за неграмотныхъ, — подѣленіемъ въ противномъ случаѣ законной отвѣтственности.

2) Объ опредѣленіи, увольненіи и перемѣщеніи священнослужителей.

Въ село Песковатку Липецкаго уѣзда на праздную священническую вакансію назначенъ студентъ Семинаріи Михаилъ Серебряковъ.

Въ село Кулешовку Борисоглѣбскаго уѣзда къ новостроющейся церкви, согласно прошенію, перемѣщенъ изъ села Васильевщины Моршанскаго уѣзда священникъ Ко

стантинъ *Богоявленскій*, а въ Васильевщинѣ священническое мѣсто зачислено за сиротою священника с. Несвицкаго *Соловьева*, до пріисканія жениха.

С. Романова Липецкаго уѣзда Архангельской церкви священникъ *Димитрій Андреевскій*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ; на его мѣсто во священника, со взятіемъ его дочери, назначенъ воспитанникъ Семинаріи *Михаилъ Ивановъ*.

Въ село Екатеринино Козловскаго уѣзда на праздное священническое мѣсто назначенъ студентъ Семинаріи *Михаилъ Ранинскій*.

Въ г. Козловъ — къ церкви тюремнаго замка во священника назначенъ окончившій курсъ Семинаріи ученикъ *Константинъ Коцемировскій*.

III

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ МОСКОВСКАГО КУПЕЧЕСКАГО БАНКА.

Извлеченіе изъ правилъ по операціямъ Московскаго купеческаго банка.

1) ДЕНЕЖНЫЕ ПРОЦЕНТНЫЕ ВКЛАДЫ

Вклады принимаются какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ всѣхъ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учреждений и духовныхъ вѣдомствъ: безсрочные, т. е. до востребованія, на опредѣленный срокъ, на имя вкладчика, на предъявителя и на особыхъ условіяхъ, какъ-то: на опредѣленный періодъ времени, напримѣръ до совершеннолѣтія, до вступленія въ бракъ и т. п. *).

(*) *Примѣчаніе.* Невозможно перечестъ всѣхъ таковыхъ особыхъ условій; главнѣйшія изъ нихъ состоятъ въ приращеніи капитала процентами и въ ежегодной припискѣ къ нему процентовъ на проценты; но кромѣ того могутъ быть и такіе, что вкладчикъ, вложивши извѣстный капиталъ, предпочтаетъ получение процентовъ и части капитала погодно, или однихъ

Сумма вклада не можетъ быть менѣе 100 рублей.
 Размѣръ процентовъ опредѣляется впродъ до измѣненія:
 на вклады до востребованія 4% въ годъ.
 „ „ не менѣе 6 мѣсяцевъ 5% „ „
 „ „ не менѣе 10 мѣсяцевъ $5\frac{1}{2}\%$ „ „
 „ „ на 12 мѣсяцевъ и болѣе 6% „ „

Капиталь по вкладамъ до востребованія (безсрочнымъ) возвращается:

до 1000 руб. чрезъ 3 дня по предъявленіи билета; отъ 1001 до 10,00 руб. чрезъ 7 дней; отъ 10,001 до 50,000 чрезъ 15 дней; отъ 50,001 до 100,000 чрезъ мѣсяць; вклады на большую сумму возвращаются по взаимному соглашенію Правленія съ вкладчикомъ.

День предъявленія обозначается въ билетѣ.

На текущіе счета принимаются вклады не менѣе 25 рублей и проценты рассчитываются по 3% гъ годъ.

Равномѣрно принимаются вклады на храненіе.

2) УЧЕТЪ ВЕКСЕЛЕЙ.

Векселя къ учету принимаются или съ двумя подписями, или съ одною подписью, подъ обезпеченіе процентныхъ бумагъ, товаровъ и недвижимостей. При учетѣ послѣднихъ Банкъ выдаетъ краткосрочныя свои процентныя обязательства.

3) ССУДЫ.

Ссуды производятся подъ залогъ:

- а) государственныхъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій промышленныхъ и кредитныхъ обществъ;
- б) подъ коноссаменты и квитанціи транспортныхъ конторъ на отправляемые, неподверженные порчѣ товары;

процентовъ въ извѣстные сроки, напр. помѣсячно, или, вкладывая нѣсколько лѣтъ сряду по опредѣленной суммѣ, условливается получить чрезъ извѣстное число лѣтъ весь внесенный вмѣ капиталъ съ процентами по соглашенію съ Банкомъ и т. п.

в) драгоценныхъ металловъ и ассигновокъ горныхъ правленій;

г) товаровъ, не подверженныхъ порчѣ.

Ссуды подъ товары выдаются краткосрочными процентными обязательствами Банка.

4) ПРИЕМЪ РАЗНАГО РОДА ПОРУЧЕНІЙ.

Московскій Купеческій Банкъ принимаетъ порученія:

На продажу и покупку процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій и т. п.

Покупку и продажу драгоценныхъ металловъ въ слиткахъ и монетъ.

Продажу товаровъ.

Покупку векселей внутреннихъ и иностранныхъ.

Полученіе по ассигновкамъ горныхъ правленій.

Полученіе платежей по вексямъ и другимъ срочнымъ процентнымъ бумагамъ, по дивидендамъ, купонамъ и т. п.

Переводъ денегъ во всѣ мѣста, гдѣ находятся конторы Банка, и

Платежъ по вексямъ, обозначеннымъ: *съ платежемъ въ Банкъ*.

При подобныхъ порученіяхъ требуется предварительно обозначать цѣны покупки или продажи, или же объяснять, что покупка или продажа можетъ быть произведена безъ ограниченія цѣны, по усмотрѣнію Банка, и вообще обозначать всѣ подробности порученія. Во всякомъ случаѣ, дѣлающій порученіе присылаетъ при самомъ порученіи сумму, потребную на покупку, наличными деньгами или переводомъ. При порученіи продажи назначается употребленіе полученной отъ продажи суммы, и, въ случаѣ пересылки ея—точный адресъ лица, которому слѣдуетъ ее переслать.

Размѣръ комисіи Правленіе Банка опредѣляетъ при самомъ принятіи порученія. Всѣ расходы, какъ-то: куртажъ,

пріемъ, отдача, почтовые и проч. относятся на счетъ дѣлающаго порученіе.

Комисія по банкирскимъ операціямъ можетъ простираться отъ $\frac{1}{8}\%$ до 1% ; по другимъ же порученіямъ она можетъ возвыситься до 2% , смотря по роду порученія. Во всякомъ случаѣ, она будетъ опредѣляться или взаимнымъ соглашеніемъ между дающимъ порученіе и Банкомъ, или его довѣріемъ къ распоряженіямъ Банка. Въ послѣднемъ случаѣ дѣлающій порученіе извѣщаетъ о томъ Банку при самомъ порученіи.

ОТЪ ОБЩИНЫ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ.

С.-Петербургская Община Сестеръ Милосердія, основанная и содержимая щедротами Императорской фамилии и усердствующихъ благотворителей, для поддержанія средствъ къ своему существованію, приглашаетъ желающихъ принять участіе въ благотворительности выпискою для себя изъ общины какихъ либо изъ нижеозначенныхъ книгъ:

Служба, акафистъ и житіе Святой Мученицъ Параскевъ. Роскошно напечатанное славянскимъ шрифтомъ изданіе, въ 4-ю долю листа. Цѣна съ пересылкою 1 р. сер.

Акафистъ Святой Великомученицъ Екаторинѣ. Напечатанный славянскимъ шрифтомъ. Цѣна съ пересылкою 60 к.

Акафистъ Святителю Иннокентію, Иркутскому Чудотворцу. Напечатанный славянскимъ шрифтомъ. Цѣна съ пересылкою 50 к. сер.

Этюды Путешественника. Италия, Швейцарія, путешественники и путешествіе. Сочиненіе П. Ковалевскаго. Цѣна съ пересылкою 1 р. сер.

Библиотека для маленькихъ читателей, путешествіе во кругъ Свѣта Дюмонъ-Дюрвиля, 10 частей съ 45-ю картинками и портретами. Цѣна съ пересылкою 3 р. сер.

Мірское слово, народная газета на 1866 годъ, состоя-

шая изъ 24 номеровъ. Съ рисунками и портретомъ О. И. Комисарова-Костромскаго. Цѣна съ пересылкою 1 р. сер.

Человѣкъ, земля и небо. Популярныя бесѣды о томъ какъ жить на свѣтѣ и какъ смотрѣть на міръ Божій. Изданіе 1866 года. Цѣна съ пересылкою 40 к. сер.

Всякое требованіе Общиною будетъ принято съ при-
вѣтательностію и исполнено немедленно. Увѣдомленіе о по-
лученіи денегъ Общиною и о запискѣ ихъ на приходъ, бу-
детъ выслано только тѣмъ мѣстамъ и лицамъ которыя
сего будутъ требовать.

ОБЪ ИЗДАНИИ

КІЕВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

въ 1867 году.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться
и въ наступившемъ 1867 г., съ 1 го января. Слѣдую про-
граммѣ, утвержденной св. Синодомъ, онѣ будутъ состоятъ
изъ двухъ отдѣловъ: *оффиціального и духовно-литературнаго.*

Цѣна остается прежняя, т. е. съ пересылкою и безъ
пересылки *три рубля серебромъ.*

Иногородные подписчики благоволятъ адресоватся такъ:
Въ редакцію *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ Кіевъ,*
означая званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ПОДОЛЬСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издавать-
ся въ 1867 году, по тойже программѣ, по которой онѣ изда-
вались въ прежніе годы, и будутъ выходить, такъ же какъ
и прежде, два раза въ мѣсяць.

Редакція Вѣдомостей и въ 1867 году имѣетъ быть
при Подольской духовной Семинаріи.

Цѣна Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей на 1867
годъ остается прежняя, т. е. 4 рубля съ пересылкою.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ВЛАДИМІРСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВЪДОМОСТЕЙ

въ 1867 году.

Владимірскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться и въ 1867 году два раза въ мѣсяць, 1-го и 15-го числа, выпусками отъ 3^{1/2} до 4-хъ листовъ, по прежней утвержденной Св Синодомъ, программѣ. Съ 1867 года на каждомъ № Вѣдомостей будетъ прилагаться по полу-листу печатному, Сборникъ поученій мѣстнаго духовенства, избираемый изъ поученій, одобряемыхъ Епархіальнымъ цензурнымъ комитетомъ и присылаемыхъ въ редакцію отъ другихъ лицъ. Этотъ сборникъ къ концу года составитъ особый томъ лучшихъ поученій, приодныхъ всякому сельскому священнику.

Цѣна съ пересылкою

5 руб.

Требованія адресовать въ Редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ХЕРСОНСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВЪДОМОСТЕЙ.

Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться въ 1867 году, въ прежнемъ объемѣ и по той же программѣ. Цѣна годовому изданію, съ доставкою на домъ и съ пересылкою въ другія мѣста—5 рублей. Подписка принимается въ Одессѣ: въ Редакціи, въ домѣ каедральнаго протоіерея *Іоанна Знаменскаго*, на Нѣжинской улицѣ. Редакція „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ покорнѣйше проситъ Редакціи газетъ и журналовъ, которые получаютъ нынѣ въ обмѣнъ на „Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости“ продолжать этотъ обмѣнъ и въ слѣдующемъ 1867 году.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ХАРЬКОВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

Съ разрѣшенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, съ 1-го Января 1867 года, въ замѣнь „Духовнаго Дневника“, будутъ издаваться „Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости“ по программѣ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ.

Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ выходить два раза въ мѣсяць, 1-го и 15-го чиселъ, выпусками, отъ 2-хъ до 2^{1/2} печатныхъ листовъ. Цѣна съ пересылкою и безъ пересылки 3 руб. серебр.

Редакція Епархіальныхъ Вѣдомостей покорнѣйше проситъ всѣхъ образованныхъ лицъ и въ особенности просвѣщенное духовенство Харьковской епархіи сообщать ей свѣдѣнія о современномъ состояніи церкви и приходоѡ, объ открытіи и замѣчательныхъ дѣйствіяхъ приходскихъ попечительствъ, объ открытіи и состояніи начальныхъ народныхъ училищъ, воскресныхъ школъ и вообще о ходѣ народнаго образованія въ приходахъ и въ цѣлыхъ уѣздахъ, и другія болѣе или менѣе интересныя извѣстія.

Иногородные подписчики благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ Редакцію Харьковскихъ Вѣдомостей при Духовной Консисторіи.

ОТЪ СОВѢТА МИССІОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА.

Совѣтъ Миссіонерскаго Общества, получивъ отъ члена ревнителя, о. Іерея Виктора Вишнеvsкаго извѣстіе о пропажѣ изъ квартиры его, въ г. Чебоксарахъ, Казанской губерніи, во время его болѣзни, сборной книжки за № 35, выданной ему отъ Совѣта Миссіонерскаго Общества, для сбора ежегодныхъ и единовременныхъ пожертвованій въ

пользу Общества, — покорнѣйше просить нашедшаго означенную книжку представить ее въ Совѣтъ Миссіонерскаго Общества, въ С. Петербургѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ТАМБОВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

Редакція Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей честь имѣетъ извѣстить своихъ подписчиковъ, что продаются слѣдующія, очень полезныя, сочиненія Законоучителя Павловскаго Военнаго Училища Михайловскаго:

1) *Святый Апостолъ Павелъ*. Ц. 75 к. съ пер. 1 руб.

Объ этомъ сочиненіи въ 1863 г. сдѣлано три добрыхъ отзыва: въ Отечественныхъ Запискахъ, въ Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ и въ Странникѣ.

2) *Англиканская Церковь и ея отношеніе къ православію*.

Отзывъ объ этомъ сочиненіи смотр. въ № 28 Дня 1865 г. стр. 669—672.

3) *О литургіи преждеосвященныхъ даровъ, съ присоединеніемъ каждодневныхъ молитвъ С. П. Б. 1866 г. ц. 5 к. сер., за пересылку каждаго 10 экз. 20 к. серебромъ.*

4) *О Святыхъ Таинствахъ Православной Церкви и объ отношеніи къ нимъ православныхъ. 1866 г. ц. 15 к. за перес. одного, или каждаго 5 экз. 20 к. серебр.*

Въ этомъ сочиненіи излагается: а) православное ученіе о каждомъ таинствѣ; б) церковныя и гражданскія постановленія о каждомъ таинствѣ и разнообразное отношеніе къ таинствамъ православныхъ; в) объясненіе обрядовъ при совершеніи таинствъ. Разборъ этого сочиненія и отзывъ о немъ сдѣланъ въ XX № Сына Отечества 1866 г. отъ 5 мая.

Съ дозволенія цензуры. 22 Февраля 1867 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи А. А. Студенецкаго, на Дворянской улицѣ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪДОМОСТЯМЪ.

ФЕВРАЛЯ

№ 3.

1867 ГОДА.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ О БЛУДНОМЪ СЫНѢ.

Отче, согрѣшихъ на небо и предѣ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарецися сынъ твой.
(Лук. 15, 18—19.)

По случаю скорого приближенія св. четыредесятницы, св. Церковь, какъ сердобольная мать, въ минувшую недѣлю притчею о мытарѣ, а нынѣ притчею о блудномъ сынѣ, какъ бы поразительною картиною, начертанною Самимъ Богомъ, старается приготовить насъ къ подвигамъ молитвы, поста и покаянія. При внимательномъ воззрѣніи на картину сію, невольно раждаются мысли и чувствованія, и печальныя и отрадныя. Картина сія въ таинственномъ и духовномъ смыслѣ изображаетъ то наше несчастное положеніе, униженное нашимъ грѣхопадениемъ, то выставляетъ на видъ въ яркихъ и лестныхъ краскахъ образъ безцѣнныхъ плодовъ молитвы, поста и покаянія, посредствомъ коихъ только однихъ неизрѣченное милосердіе Отца Небеснаго возвращаетъ намъ всѣ потерянные нами дары и таланты и даруетъ намъ безчислен-

нья блага. Въ притчѣ сказано, что блудный сынъ былъ меньшій, который, при всемъ довольствѣ въ дому отца своего, по молодости и неопытности своей, не захотѣлъ повиноваться волѣ отца своего, а, испросивъ долю изъ родительскаго имѣнія, удалился въ дальнюю-чужую сторону, гдѣ открылось свободѣ его широкое поле, на которомъ онъ своеволю своему не встрѣтилъ никакихъ границъ. Имѣніе у него все въ полномъ его распоряженіи оставалась только одна забота,—какъ бы веселѣе пожить. Пылкое сластолюбивое и своевольное молодое его сердце скоро нашло дорогу страстямъ имѣнію. Роскошь, веселье, забавы, сладострастія услужливые, подобострастные друзья и пріятель живо разорили его въ-конецъ и оставили не-пречемъ. Но бѣда не бываетъ одна. Къ его несчастію на ту пору въ той странѣ, гдѣ онъ расточилъ свое имѣніе, живя блудно, открылся голодъ, бѣдному молодому человѣку не-на что было достать и куска хлѣба. Въ такой нищетѣ и крайности, не привыкши къ трудамъ, сей несчастный юнакъ нанялся на легкую работу—пасти свиней. Эта работа, повидимому, легкая, плата за нее слишкомъ низкая,—позволеніе во время ужаснаго голода питаться жолудями—пищею свинскою, пробудили въ немъ сознаніе. И тутъ-то онъ вспомнилъ домъ родительскій, гдѣ въ изобиліи даже работники отца его пользуются чистымъ хлѣбомъ, тогда какъ онъ вынужденъ утолять голодъ свой татками отъ корма свинскаго. . . Тутъ-то онъ очутился и сознался въ своемъ заблужденіи, и тогда же сказалъ, самъ въ себѣ: «брошу я этихъ этихъ нечистыхъ животныхъ, пойду на родину къ отцу моему, и съ чувствомъ глубокаго раскаянія»

нія принесу ему чистосердечное сознаніе всей гнущности моего поведенія, и буду умолять его всеми силами о прощеніи моемъ: *Отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою и уже нѣсмь достоинъ нарещися сыномъ твоимъ.*

Братія — христіане! картина эта въ смыслѣ духовномъ живо изображаетъ каждого изъ насъ, ежели только мы своею нераскаянностію не превосходимъ блуднаго сына. Не правда ли, что все мы по грѣхамъ нашимъ болѣе или менѣе блудныя дѣти предъ Отцемъ небеснымъ. Тайнствами Святой Церкви, мы введены въ домъ Отца небеснаго, удостоены быть Его чадами, даже братьями и сонаслѣдниками Его Единороднаго Сына Господа нашего Иисуса Христа. Намъ даны все силы, яже къ животу и благочестію; все мы получили отъ Господа богатые дары и таланты,—кто пять, кто три, кто два; оставалось только намъ приумножить эти дары и таланты, идти отъ совершенства къ совершенству, возрастать въ мѣру возраста исполненія Христова, дабы тѣмъ расширять Его царство на землѣ и утѣшать Отца небеснаго и Святыхъ Его. Но надобно сознаться, что мы еще не совсемъ близки къ земному нашему отеческому дому, т. е. къ церкви Божіей, ибо внѣшнее только, и то рѣдко, бываемъ въ ней. Въ праздники Господни стараемся вездѣ побывать, лишь бы не на молитвѣ общественной. Стоя въ церкви, устами только чтимъ и прославляемъ Господа, а сердце наше, а душа наша грѣшная далече—въ странѣ душевнаго голода питаетъ скверныя страсти. Похоть сердца и гордость житейская влекутъ насъ на страну далече, въ плѣнь діавола, въ царство тьмы и смерти. Какъ ни силится Святая Цер-

ковъ усмирить нашу похоть и гордость, но голодъ ея весьма немногихъ возбуждаетъ; время отъ времени молитва, постъ, покаяніе ослабѣваютъ, а своеволие, развратъ повсюду умножаются. И много ли нынѣ такихъ, кои бы, постоянно внимающе гласу Церкви Божіей, водились однимъ духомъ Отца Небеснаго, правилами Церкви Его, а не унижались бы на стези стропотныя? Не все ли мы унижены грѣхами нашими до того, что беззаконіемъ наша превзыдоша главы наши? Образъ Божій въ насъ пренебреженъ, искаженъ и попранъ; потому что мы не имѣемъ праведности и не любимъ правды; сердце наше, долженствовавшее быть святымъ лицомъ для Духа Божія и Его Благодати, окаменѣло, темно и холодно; потому что изъ него исходятъ только помысленія злая; умъ нашъ, озаренный свѣтомъ Христовымъ, помраченъ и оскверненъ дѣлами тьмы. Такъ что же мы предъ Отцомъ Небеснымъ, какъ не блудныя дѣти, недостойныя нарециися сынами Его? Мирскія блага, которыми болѣе всего мы гоняемся и которыхъ болѣе всего желаемъ и ищемъ, привязали нашъ умъ и сердце къ землѣ такъ, что не позволяютъ намъ возноситься выше земнаго. Страсти, по влеченію которыхъ мы чаще живемъ, нежели по внушенію Духа благодати, распаляя насъ, болѣе и болѣе изсушаютъ въ насъ соки истинной жизни; стало бытъ вся наша жизнь есть плотская и чувственная.

О, милосердый Отецъ Небесный! Что же намъ немощнымъ остается дѣлать, дабы выйдти изъ этого горькаго и несчастнаго положенія?! Братіе-святители! доколь время есть, доколь терпѣть Господу подь беззаконіямъ нашимъ, доколь матеръ нашу Святая церковь, зоветъ насъ и отверзаетъ намъ д

иди къ покаянію, — каждый оцуетзуйся, войди въ
самого себя, собери все свои силы, иди къ Отцу
Небесному, съ чувствомъ смиренія и глубокаго со-
крушенія о своихъ грѣхахъ и воззови голосомъ блуд-
наго сына: *Отче, согрѣшихъ на небо и предъ Тобою,*
и уже мысль достойна нарещися сынъ Твой, — дабы
Онъ, безконечно милосердый, благодатію Своею
Самъ коснулся окаменѣлаго сердца твоего и пов-
лекъ тебя во врачевницу покаянія, чрезъ которое
бы ты очистился отъ скверны грѣховной, и сдѣ-
лался способнымъ шествовать во все дни жизни
твоей по пути правому, къ небесному отечеству.

Священникъ Сергій Никольскій,

Сава Падовъ, Покровской Церкви.

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГІИ

Огюста Николя.

А.

Членъ Конвента, преданный партіи Жиронди-
стовъ, но всехъ единомышленниковъ своихъ пре-
всходившій неистовствомъ противъ Религіи Хри-
стовой и ея служителей, Иснаръ, когда, въ свою
очередь, и самъ подвергся роковому приговору то-
го же судилища, томясь въ тяжкомъ изгнаніи,
проводилъ жизнь въ подземномъ убѣжищѣ, въ близи
того самаго мѣста, гдѣ кипѣлъ источникъ револю-
ціи. (*) Въ этомъ положеніи, когда «онъ, по его соб-
ственнымъ словамъ, находился въ подземельяхъ,

(*) Въ предмѣстіи Сентъ-Антуань.

«стерпя лишеніе во всемъ, слышалъ вокругъ себя столько ревъ и стоны смертныя, и самъ могъ быть умерщвленъ, какъ убійца, когда душевно мучился неизвѣстностію объ участи своего семейства и ежедневнымъ ожиданіемъ, что вотъ и его, какъ животное, влекомое на бойню, поведутъ на казнь безъ всякаго суда и даже не выслушавши»;—в этомъ положеніи совершился въ немъ самый нравственный переворотъ, внутреннія явленія котораго и до того занимали все вниманіе и заботы его души, что заглушали весь гулъ и все ужасное революціи, надъ его головою потрясавшей міръ. *Бытіе Бога, безсмертіе души, необходимость добродетели, необходимость Религіи для жизни добродетельной, Божественное достоинство Христіанства, Религіи и всецѣлая увѣренность въ истинность тайнъ*—эти важнѣйшіе предметы возникли изъ глубины его души, необходимостію поставленной въ отрпшеніе отъ всего земнаго, и рѣшенію вопросовъ объ этихъ предметахъ онъ предался съ такимъ вниманіемъ, что самъ себя сравниваетъ въ семъ отношеніи Архимедомъ, за углубленіемъ въ рѣшеніе математическихъ проблемъ, не слышавшимъ разоренія Сиракузь. Когда онъ изъ глубины существа своего поднималъ воспоминаніемъ прахъ своей прошлой жизни, его сознанію представлялись нѣкоторыя искры вѣры, какъ драгоцѣнные остатки матеріальныхъ наставленій. И какъ могущественная сила вѣрнаго послѣдованія призыванію небесному! С этими только слабыми пособіями Иснаръ, дѣятельная душа котораго, подобно вулкану, переставала му извергать лаву, сосредоточилась въ самой себѣ, предпринялъ величайшую задачу, посредствомъ огромной работы философской, возстановить и

исполнить въ своей жизни всю область истинъ религіозныхъ и возвратиться къ первоначальной вѣрѣ своего дѣтства. И онъ успѣлъ выполнить эту задачу: тридцать три года, которые онъ прожилъ послѣ этого времени, составляли какъ бы одно непрерывное воздыханіе благочестія и покаянія. (*) Но, — что особенно достойно всякаго вниманія съ нашей стороны, — онъ, благодаря отличному смыслу философскому и замѣчательной прямотѣ сердца, не смотря на всѣ заблужденія, составлявшей существенную черту его характера, (**) съ самаго начала понялъ, что успѣхъ въ этомъ дѣлѣ невозможенъ и предпріятіе его было бы безумно безъ извѣстнаго условія, которому онъ свободно и съ всею искренностію сталъ подчиняться, и которое

(*) Это было тогда (1797 г.), когда видѣли его возвращающимся въ лоно Христовой Религіи, которую онъ такъ нагло оскорблялъ; за то послѣ сего онъ не переставалъ своею жизнію и поведеніемъ назидать своихъ согражданъ. Онъ умеръ около 1830 г., съ чувствами благочестія и покаянія, вполне примѣрными.

(**) Съ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и съ темпераментомъ сангвиническимъ, Иснаръ былъ горячій, запыльчивый и наглый, но больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Увлекаемый пламеннымъ воображеніемъ, онъ не зналъ упрямства, и легко отступалъ отъ своихъ мнѣній, равно какъ и отъ своихъ горячихъ увлеченій. Кромѣ того онъ всегда старался сохранять честность и прямоту души и въ то время, какъ проходилъ въ Парижѣ различныя должности прежде и по окончаніи своихъ законодательныхъ занятій, онъ былъ принятъ у многихъ банкировъ и негоціантовъ, никогда не раздѣлявшихъ его революціонныхъ мнѣній (Biogr. univ.)

не переставалъ выполнять, какъ одну изъ самыхъ существенныхъ принадлежностей своихъ изысканій: это условіе—*молитва*.

Надобно впрочемъ предоставить самому Пепелу говорить объ этомъ; такъ какъ слово объ испытаніи, исходящее отъ сердца, пережившаго это самое испытаніе, не можетъ быть ничѣмъ замѣнено:

«Рѣшеніе, поставившее меня *внѣ-за-закона*, жетса, поставило меня въ тоже время и *внѣ-за-ботъ* житейскихъ и ввело въ новый, болѣе существенный образъ существованія. Еслибъ не постигло меня это осужденіе, то я, какъ и многіе другіе, увлекаемый судьбою гражданскихъ переворотовъ, продолжалъ бы существовать безъ самопознанія, и умеръ не сознавая, какъ я прожилъ. Не счастье, меня постигшее, принудило меня сдѣлать остановку въ теченіи моей жизни; во время этой остановки я [осмотрѣлся и позналъ самага себя: я разсмотрѣлъ, откуда—я, и куда иду; осмотрѣлъ путь мною пройденный, и тотъ, который мнѣ осталось пройти, и тутъ два пути,—одинъ, которымъ я ушла, и другой, — который мнѣ слѣдовало избрать, чтобы достигнуть истиннаго назначенія моего.»

«Невозможно изобразить, какія утѣшенія доставили мнѣ эта тишина, эта рѣшительная самообранность и самообладаніе моей мысли, это продолжительное изученіе моего существованія, эти плоды мудрости и наставленій, какіе сознавалъ я въ себѣ развивающимися, это оставленіе земли и разлученіе съ нею, откуда я наблюдалъ и свѣдѣнью судилъ о преступныхъ глупостяхъ человеческихъ, это искреннее и постоянно возрастающее

уваженіе къ добродѣтели, это разумное возношеніе къ предметамъ важнымъ и возвыщеннымъ и особенно къ Творцу природы, это свободное и чистосердечное поклоненіе, съ которымъ я постоянно къ Нему обращаюсь.»

«Мои мысли о безсмертіи души и о другихъ религіозныхъ предметахъ метафизическаго свойства нисколько не зависѣли, какъ можно было бы подумать, отъ живости моего воображенія, или отъ чувствительности моего сердца. Онѣ были плодомъ самаго глубокаго размышленія, и я могу сказать, что мало есть людей способныхъ подобнымъ образомъ размышлять, какъ я; этимъ преимуществомъ я обязанъ несчастіямъ революціи. Меня осудили на изгнаніе, противъ меня постановили приговоръ за дѣло преданности моему отечеству; но Провидѣніе внушило мнѣ не оставлять Парижа, и я держался, какъ въ тюрьмѣ, въ моемъ уединенномъ убѣжищѣ, гдѣ, позади себя, примѣчая только приготовленный для меня эшафотъ, а впереди только день и ночь, и природу, я здѣсь на землѣ не могъ съ участіемъ сердечнымъ заниматься ничѣмъ другимъ, кромѣ размышленія о Богѣ, о моей душѣ и Религіи. И я всецѣло предавался такимъ размышленіямъ, которыя продолжались шестнадцать мѣсяцевъ, по пятнадцати часовъ ежедневно; и, вѣрно, ни въ какомъ положеніи размышленія не бывають болѣе глубоки, какъ у подножія эшафота.»

«Въ моемъ собственномъ сердцѣ я нашелъ религіозные зародыши, еще въ дѣтствѣ посѣянные во мнѣ добрымъ воспитаніемъ, но которые такъ долго были заглушаемы благополучіемъ и ожили только въ несчастіи.»

«Но если мое сердце чувствовало влечение к Религии, за то мой разум отвращался отъ размышленія о ея догматахъ и тайнахъ, которыя мнѣ представлялись нелѣпостями. Я не могъ вѣрить въ нихъ потому что не въ состояніи былъ изъяснить ихъ»

« Въ отношеніи къ предметамъ религіознымъ кто хотя однажды допустилъ подвергнуть строгому испытанію своимъ слабымъ разумомъ то, чемъ безъ изслѣдованія вѣрить множество наиболее осторожныхъ умовъ, тотъ уже не можетъ видѣть въ нихъ истину, пока не докажутъ ему на столько чтобы его поражало цѣлостное доказательство. Люди съ такимъ направленіемъ безусловно требуютъ, чтобы имъ доказываемо было все; и я находился въ такомъ положеніи. Въ такомъ случаѣ надобно оставлять этихъ скептиковъ блуждать въ лабиринтѣ метафизики, или лучше, при помощи размышленія и здравой философіи дать имъ возможность приподнять почти все завѣсы святилища и пройти весь кругъ религіозныхъ познаній чтобы возвратиться, наконецъ, съ открытыми глазами и съ свѣтильникомъ въ рукахъ къ тому самому положенію, въ которомъ кротко остановились ихъ смиренная вѣра съ повязкою на глазахъ»

«Я счастливо прошелъ этотъ кругъ; но гораздо счастливѣе тотъ, кто не имѣетъ нужды совершить путешествіе вокругъ свѣта съ тою единственною цѣлію, чтобы опять возвратиться къ той же точкѣ, отъ которой онъ отправился.»

«Съ сердцемъ, полнымъ горячаго усердія, разумомъ, сбившимся съ пути истины, но рѣшившимся не успокоиваться, пока не узнаетъ истины, я принялъ это продолжительное путешествіе мысленно»

Что внушило мнѣ такую рѣшимость, то и поддерживало до конца мою настойчивость».

Каждая изъ послѣдующихъ за симъ мыслей не можетъ имѣть достоинство строго обдуманной и взвѣшенной. Это—не богословъ, начертывающая правила дирекціи, но душа, возвратившаяся изъ чужбины, рассказывающая о своемъ странствованіи, и для душъ, еще далеко отъ пристани борющихся съ волнами, описывающая по примѣтамъ *пути истины*.

«Прежде всего я примѣтилъ, что въ отношеніи религіозныхъ предметовъ раскрытіе истины зависитъ не столько отъ усилій нашего разума, сколько отъ добрыхъ расположеній сердца, что по этимъ вопросамъ, касающимся столько же чувства, сколько и разума, ослѣпленный умъ сбивается съ пути и падаетъ, если по своей гордой высокомерности хочетъ обходиться одинъ самъ съ собою. Надобно, по этому, чтобы добродѣтель въ своей силѣ доставляла ему твердую опору; потому что одна любовь можетъ развязать повязку, которою закрываетъ глаза наши порокъ и заблужденіе. Я удостовѣрился, что въ ночной тмѣ нашихъ метафизическихъ размышленій религіозная истина является только въ проблескахъ, какъ молнія, которую надобно внимательно наблюдать, чтобы уловить, и становится пламенемъ, который разжигается смиренною молитвою, а гордостію потушается. Вотъ почему такъ много людей, мало способныхъ заниматься этою наукою, между тѣмъ какъ они приобрѣтаютъ значительный успѣхъ по всемъ другимъ наукамъ. И такъ я началъ съ молитвы, и чѣмъ болѣе входилъ я посредствомъ ея въ общеніе съ Богомъ, тѣмъ болѣе становился лучшимъ,

болѣе спокойнымъ, болѣе терпѣливымъ въ мести несчастнн, болѣе способнымъ распознавать истину». (*)

Великій примѣръ обращенія Иснара, самъ же себѣ столько убѣдительный, еще болѣе поразительную силу получаетъ отъ сближенія съ противоположнымъ ему примѣромъ паденія Жюффруа (Jouffroy).

Множество книгъ, наполненныхъ самыми прекрасными разсужденіями, не произвело бы на насъ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ эти два великіе примѣра, столь полные свѣта и назиданія, для того, кто самъ не закрываетъ себѣ глазъ.

Это двѣ отборныхъ личности, сами о себѣ представляющія намъ отчетъ языкомъ безукоризненной искренности; ибо никогда никто не говорилъ съ большимъ безпристрастіемъ и независимостью о такомъ опытѣ, какой онѣ представляютъ откровенительно христіанской истинѣ въ положеніяхъ рѣшительно противоположныхъ одно другому. Одинъ представляетъ намъ исповѣдь въ томъ, что какъ только онъ, уступая искушеніямъ философскаго скептицизма, отдѣлился отъ вѣры христіанской, въ ту же минуту утратилъ свѣтъ и разумъ относительно всего, что можетъ занимать и превозвышать къ себѣ человѣка въ настоящей и будущей жизни. Напрасно искалъ онъ въ самомъ себѣ и въ своей философіи, которою занимался по об-

(*) Isnard, De L' immortalité L' de âme 1802 in 8-e. Смотри также его Dithyrambe sur L' immortalité de l' âme, 1805 in 8-e. Въ новомъ изданіи его сочиненій этого дивирамбъ помѣщенъ вездѣ за предыдущимъ разсужденіемъ о безсмертіи души.

занности, не говорю, опоры, а хотя бы временной только задержки, которая бы замедлила плачевное разрушеніе всёхъ его убѣжденій и спасла его отъ той пустоты и того мрака, въ которые, какъ въ бездну, низринулись всё его способности поправительныя. Другой, дыша однимъ чрезмѣрнымъ желаніемъ имени христіанина и всего, составляющаго Религію Христіанскую, рассказываетъ намъ, какимъ образомъ онъ вдругъ остановился на пути заблужденій, и какъ добросовѣстное размышленіе, обративъ его къ вѣрѣ, дало ему власть надъ самимъ собою, въ глубинѣ души его возростило обильные плоды мудрости и, поставивъ его внѣ заботъ настоящей жизни, доставило ему возможность наслаждаться всею полнотою и положительною дѣйствительностію своего существованія.

Какова же эта истина, какова эта Религія, внѣ которой человѣкъ можетъ только падать, какъ Жуффрау, и подъ осѣненіемъ которой человѣкъ можетъ возставать и возрастать, какъ Иснаръ? Не сама ли это жизнь? И можно ли еще требовать болѣе очевиднаго доказательства въ ея пользу?

Но отъ чего зависитъ, что одинъ потерялъ ее, а другой нашель, при одинаковомъ, повидимому, желаніи воспользоваться ею?—Тайна этой разности заключается въ слѣдующемъ: Иснаръ не философствовалъ только, но и молился, даже началъ свои размышленія молитвою; а Жуффрау, полагаясь только на одні силы своего разума, поставилъ его единственнымъ судіею своей вѣры и допустилъ въ себя потухнуть вѣрѣ преждевременнымъ небреженіемъ объ исполненіи ея требованій. Это значитъ, что одинъ изучалъ явленія жизни въ живомъ тѣлѣ, а другой пытался сдѣлать это надъ трупомъ.

Вы хотите судить о религиозныхъ истиннахъ христіанскихъ, не допуская испытанія ихъ въ жизни! Но въ такомъ случаѣ вы погрѣшаете противъ главнаго правила всякаго философскаго изслѣдованія, правила, требующаго, чтобы всякая истинна опытнаго наблюденія была изслѣдуема согласно характеру ея содержанія и тѣми способами, какими она доступна. Станите ли разсуждать о какой-либо истинѣ геометрической по законамъ сердца, или опредѣлять достоинство истины поэтической циркуломъ въ рукахъ? Въ состояніи ли вы судить о цвѣтахъ по слуху, или о звукахъ при помощи зрѣнія? Конечно, нѣтъ; не менѣе странно было бы съ вашей стороны притязаніе опредѣлить достоинство религиозныхъ истинъ, не ощутивши, и вкусивши сердцемъ, не испытавши на опытѣ ихъ животворной и спасительной силы. Религиозныя истины должны обнимать весь составъ существа человѣческаго, предназначены составлять достоинствѣ и жизни не одного ума, но особенно сердца и воли; а вы хотите судить о нихъ, не допуская соприкосновенія ихъ съ вашимъ сердцемъ и волею. Религиозныя истины существенно предназначены для жизни; а вы хотите опредѣлять ихъ достоинство по одному чистому созерцанію! Религиозныя истины Божественны, или ихъ вовсе нѣтъ; а вы не хотите испытать на себѣ ихъ Божественнаго дѣйствія, по которому только и можно судить о ихъ Божественномъ достоинствѣ и животворности. Но, ради Бога, не противорѣчьте сами себѣ: подчинитесь условіямъ предмета, который вы хотите изслѣдовать, или откажитесь отъ притязанія быть изслѣдователемъ и судіею его. — Вамъ не говорятъ: исполняйте безъ изслѣдованія; но говорятъ:

испытывайте безъ исполненія. Почему же? Потому что здѣсь исполненіе составляетъ значительную часть самаго изслѣдованія, и философствовать въ семь случаевъ значитъ, тоже что молиться.

Думали ль вы, какъ слѣдуетъ, о томъ, что значитъ истина, подлежащая теперь нашему изслѣдованію? Это-не какая нибудь истина относительная и случайная, имѣющая мѣстное примѣненіе къ частному предмету; въ каковомъ случаѣ она бываетъ только произведеніемъ предмета или образомъ его, какъ мысль художника о статуѣ, или картинѣ, какъ мысль Бога Творца о вселенной: нѣтъ, это истина безусловная и безпредѣльная, истина въ самой ея сущности, въ ея источникѣ; это-сама приносущая истина, т. е. самъ Богъ. Такова—эта истина, или ея вовсе нѣтъ. Такимъ образомъ наше изслѣдованіе относится существенно къ этому предмету; и съ этою то истиною, приносущею, какъ самъ Богъ, мы должны поставить себя въ общеніе, чтобы имѣть возможность ее изслѣдовать.

Но чтоже такое Богъ? Богъ,—сама Истина, составляющая предметъ нашего изслѣдованія,—не есть какая нибудь холодная и безжизненная отвлеченность, какъ напримѣръ, теорема геометрическая, но особая живая личность, обладающая умомъ и волею, всегда желающая, любящая и дѣйствующая, какъ наша душа, только въ безконечно высшей и совершеннѣйшей степени; или одинъ есть безпредѣленный разумъ и всевѣдѣніе, безконечная любовь, правда, могущество и сила, благодать и благость. Вотъ предметъ нашего изслѣдованія. Какимъ же образомъ можно намъ войти въ соотношеніе и общеніе съ этимъ предметомъ, если не такъ, какъ обыкновенно мы входимъ въ

соотношеніе и общеніе съ существами, обладающими разумомъ, волею и любовію, посредствомъ взаимныхъ сообщеній, возбуждаемыхъ и поддѣживаемыхъ при помощи слова, и, въ отношеніи къ Богу, слова, по крайней мѣрѣ, внутренняго, безъ котораго не зачинается у насъ ни мысль, ни чувство? Итакъ говорите къ Нему, если желаете истинно знать, каковъ онъ, и точно ли христіанская истина есть Его истина. Но говорите къ Нему такъ, какъ можетъ личность столь ограниченная, какъ наша, говорить къ личности безпредѣльной, т. е. съ знаніемъ и чувствомъ собственной слабости и ничтожества и Его безконечнаго величія, собственной бѣдности и Его благодати и щедродательности. Поставляйте себя тщательно предъ Его лицемъ, бесѣдуйте съ Нимъ о своемъ вѣчномъ спасеніи, умомъ къ уму, сердцемъ къ сердцу. Ужели вы не знаете чего нибудь въ семъ случаѣ? Ужели думаете, что сотворившій человѣка и надѣлившій его разумомъ, не въ состояніи слышать и понимать Еврейскій языкъ, и что если человѣкъ способенъ вопрошать, то Онъ не можетъ отвѣчать?... (*) Я полагаю, что у васъ есть искреннее желаніе истины, что вы желаете обрѣсти ее, чего бы это ни стоило, что вы не станите, подобно Пилату, предлагавшему вопросъ: что есть истина, отворачиваться, прежде чѣмъ выслушаете отвѣтъ, или, подобно упоминаемому въ Евангеліи юношѣ, не отойдете отъ Него съ душевною скорбію по причинѣ пожертвованія какихъ Онъ потребуетъ отъ васъ. Но напротивъ, полагаю, что съ сердцемъ полнымъ горячаго усердія

(*) *Создавшій ухо ужели не слышитъ, и устроившій усердіе ужели не смотритъ? Псал. 95. 9.*

рышлись не успокоиваться, пока не узнаете истину, вы, подобно Иснару, запрете въ вашей душѣ двери всѣхъ чувствъ, предадитесь внутреннему молчанію, не допустите до своего сердца никакого не основательнаго ропота вашихъ слабостей и пустыхъ воплей вашихъ страстей, и съ готовностію на все, склоняя слухъ вашего сердца, съ радостію будете внимать сладостнымъ глаголамъ Вѣчнаго Слова, которые, какъ небесная роса, будутъ орошать вашу душу, и послужать для нея не только бесѣдою, но и свѣтомъ, и ощущеніемъ, и силою, которая вдругъ увлечетъ васъ къ истинѣ и дастъ вамъ возможность проникать въ нее глубоко и широко и съ удивительною свободою.

Сдѣлайте это, и я, во имя самыхъ несомнѣнныхъ опытовъ, завѣряю васъ въ томъ, что вы тогда поймете то, чего теперь и не слышите; вы увидите тогда предъ собою свѣтъ въ ночной тмѣ метафизической, пламя, которое возжигается смиреннымъ молитвою и потушается гордостію, и, чѣмъ больше будете входить въ общеніе съ Богомъ, тѣмъ больше будете становиться лучшими, больше спокойными, больше торжествующими надъ собою, больше способными познавать истину. Вы тогда на опытѣ повѣрите несомнѣнность глубокаго пэрѣченія самой Истины: *творяй истину грядетъ къ свѣту* (Иоан. 3, 21).

Въ это то положеніе мы стараемся поставлять самихъ себя всякой разъ, когда принимаемся за настоящія наши изслѣдованія и когда оставляемъ ихъ продолженіе; и вполнѣ проникаясь чувствомъ собственной неспособности къ тому—чувствомъ, составляющимъ нашу силу,—мы дерзаемъ усвоить себѣ слѣдующія слова Паскаля: *если это размысли-*

леніе правителя вамъ и кажется сильнымъ, то знайте, что оно составлено человекомъ, который прежде и послѣ него преклонялъ колѣна, да молитвы къ Существу безпредѣльному и не сложному, Которому онъ покоряетъ все свое, да молитвы о томъ, чтобы Оно покорило Себѣ также и все ваше для вашего собственнаго блага и да Его славы, и что такимъ то образомъ эта сила примиряется съ моимъ ничтожествомъ». (*)

Б.

Если когда такое настроеніе духа необходимо то особенно въ настоящія минуты, когда мы приступаемъ къ изслѣдованію Христіанства въ самомъ его существѣ, по его ученію нравственному, по его догматамъ и его тайнамъ; когда мы готовы, такъ сказать, вступить въ облако, закрывающее отъ насъ его величіе, и проникнуть въ таинственность его внутренняго святилища.

Доселѣ мы осматривали только общую да всѣхъ часть этого святилища. Все давало намъ предчувствовать его Божественное достоинство скажемъ лучше, все доказывало это; и сколько разъ мы могли бы остановиться и занять мѣсто между его почитателями! Между тѣмъ сколько да казательствъ даже внѣшнихъ мы оставили на сторонѣ и какихъ пособій въ нихъ мы лишились. Всю совокупность историческихъ доказательствъ самыхъ твердыхъ и полновѣсныхъ, которыя до сихъ поръ составляли какъ бы памятники Еврейскаго торжества и послужили къ обращенію міра, и на которыхъ опиралась вѣра нашихъ предковъ, каковы: пророчества, чудеса, подлинность,

(*) Pascal, Pénées, 1-re par. art. III.

существование дѣйствіе и богодуховенность священ-
 ныхъ книгъ, чудесное распространіе Евангелія,
 свидѣтельство его Апостоловъ и мучениковъ, сви-
 дѣтельство благодѣяній и проч. и проч. ... — всѣ
 эти доказательства мы отложили до третьей части
 нашего изслѣдованія. Мы могли бы, быть можетъ
 и должны были бы, изложить ихъ здѣсь, въ связи
 доказательствъ предварительныхъ и, совокупляя
 съ ними догматы и тайны христіанскія, внушить
 разуму въ эти истины, при помощи многочисленныхъ
 признаковъ ихъ Божественнаго достоинства. Ибо
 разумъ имѣетъ ли право на что нибудь большее,
 кромѣ доказательства извѣстнаго факта, кромѣ
 того, что распространіе и существованіе Христі-
 анства неизяснимо человѣческими средствами и
 силами, и что Иисусъ Христосъ есть Богъ? А ког-
 да эти истины достаточно доказаны, то не слѣду-
 етъ ли разуму, по непреложнымъ законамъ здра-
 вой логики, признать для себя священнойю обязан-
 ностию стать въ послушаніе слову Божію, отказав-
 шее отъ притязанія повѣрять оное? И какъ бы
 были непроницаемы тайны христіанскія, ихъ
 неопостижимость можетъ ли служить поводомъ къ
 сомнѣнію истинности ихъ, когда неопостижимость эта
 со всѣхъ сторонъ окружена и ограждена самыми
 важными доказательствами Божественности
 Основателя Христіанской Религій? Но духъ пыт-
 ливости нашего времени требуетъ еще большаго,
 и умъ, испорченный скептицизмомъ, требуетъ для
 подтвержденія христіанскихъ истинъ новой соли.
 Старыхъ временъ представляемыхъ для этой
 цели историческія доказательства какъ будто бы
 потеряли уже свою силу производить удовлетвори-
 тельное впечатлѣніе на умы этого разряда. — Съ

другой стороны, философія осьмнадцатаго вѣка столько употребила усилій, чтобы опозорить и обесчестить догматы христіанскіе, столько преувеличила и искажала смыслъ самаго слова *тайна*, что выставляла его тождезначущимъ съ понятіемъ о *непользѣ*; и вслѣдствіе этого невѣжество новыхъ колѣній, относительно этихъ предметовъ, распространило такой густой мракъ надъ членами нашей страны, что старыя и простыя истины христіанскія часто представляются открытіями и новыми прорѣтеніями даже между людьми, которые еще славятся знаніемъ и ученостію.

Мы бы и не желали другихъ доказательствъ Божественнаго достоинства Христіанской Религіи, кромѣ вѣрнаго, яснаго и твердаго изложенія догматовъ и всего существеннаго ученія его. Намъ кажется, что до сихъ поръ слишкомъ много принимали предосторожностей для устраненія подлиннаго изслѣдованія, и слишкомъ много старались ограждать доказательства внѣшними. Повѣрили въ силу этихъ послѣднихъ доказательствъ выводили слишкомъ одностороннее заключеніе, будто надобно принимать все, какъ что содержится буквально въ свящ. книгахъ. Безъ сомнѣнія, въ истинномъ смыслѣ такое заключеніе справедливо: *Богъ сказалъ; слѣдственно, надобно Его слову покоряться слѣпо*. Но что же отсюда выходило? То, что выраженіе: *слѣпо* было понимаемо буквально, и большая часть умовъ выводили заключеніе, будто бесполезно и даже запрещено пріобрѣтать разныя свѣдѣнія о томъ, что содержится въ ученомъ христіанскомъ, а достаточно вообще одной истинной вѣры въ него; отсюда—невѣжество касательно этого ученія.

Другіе шли еще далѣе въ своихъ заключеніяхъ, толкуя, что потому только предлагаютъ такимъ образомъ ученіе вѣры на основаніи однихъ доказательствъ внѣшнихъ, что само по себѣ это ученіе не могло бы выдержать разумнаго изслѣдованія, и такое уваженіе къ нему было въ семь случаевъ только слѣдствіемъ недовѣрія; отсюда выходили самыя плачевныя предубѣжденія противъ него. Да притомъ, хорошо ли понимаютъ самое начало Христіанской Вѣры, когда обращаютъ ее въ неприкосновенное достояніе одного храма? Самое назначеніе ея не требуетъ ли того, чтобы она съ должнымъ уваженіемъ постепенно была переводима въ пониманіе и разумѣніе въ самыхъ ступеняхъ ея, если не въ ихъ сущности, то по крайней мѣрѣ, въ ихъ отношеніи къ потребностямъ нашей природы, и такимъ образомъ еще здѣсь на землѣ служила приготовленіемъ къ тому видѣнію, которое нѣкогда займетъ ея мѣсто? Противорѣчить этому, никакимъ срокомъ не обусловленному, со стороны разума, требованію свѣта и уясненія, означитъ ли подвергать разумъ опасности оторвать свое противудѣйствіе даже противъ того, что уже имъ принято, и противъ самыхъ доказательствъ внѣшнихъ? Наконецъ, такъ какъ ученіе христіанское имѣетъ цѣлю преобразовать разумъ и сердце человѣка; то можетъ ли быть достигнута эта цѣль безъ участія разума и сердца человеческого въ усвоеніи этого ученія, дабы въ разумѣ и сердцѣ совершилось уподобленіе, требуемое христіанскимъ ученіемъ?

Для подкрѣпленія этой мысли да позволено будетъ мнѣ сослаться на уважаемый авторитетъ примѣръ блаженнаго Августина. Въ своемъ пи

сьмѣ (СХХ) къ Консенцію этотъ знаменитый тель изъяснился такъ:

«Церковь требуетъ вѣры; потому что имѣетъ основанія вѣрить, и притомъ столь твердыя и обязательныя, что требуетъ вѣры и смиреннаго послушанія всѣмъ своимъ Божественнымъ наставленіямъ. И такъ пусть не спѣшатъ обвинять въ томъ, будто бы она требуетъ вѣры рѣшительно слѣпой и безъ участія разума, или утверждаютъ, что *свѣрующіе* и для вѣры пользующіеся благотворнымъ употребленіемъ своего разума, чѣмъ мы сдѣлали замѣчаніе, *не могутъ продолжать такое пользованіе разумомъ, чтобы дѣлать свою работу всегда болѣе смиренною, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда болѣе просвѣщенною и свѣтоносною.* Возраженіе, или прямѣе, клевету противъ самой Церкви намъ остается еще опровергнуть».

«Да, мы вѣруемъ и обязаны вѣровать; намъ не воспрещается желаніе понимать и разумѣвать то, во что мы вѣруемъ. Если бы кто сказалъ намъ: вѣруйте, но не мечтайте и не желайте уразумѣть то, во что вѣруете; то мы отвѣтили бы ему: измѣните ваше начало, не до того наскожь, чтобы сорвать вовсе покровъ съ Вѣры, но чтобы по крайней мѣрѣ признать, что то, во что вѣровать требуетъ Вѣра, можетъ быть въ вѣстной степени понимаемо при помощи правильной дѣятельности разума. Да сохранитъ Богъ и помыслить, будто Онъ ненавидитъ насъ то преимущество, въ силу котораго мы такъ высоко Имъ же поставлены надъ прочими животными! Сохрани Богъ, чтобы послушаніе, оказываемое нами въ отношеніи всего того, что составляетъ область Вѣры, препятствовало намъ».

каты и добиваться причинъ и основаній того, чему мы вѣруемъ; потому что мы не могли бы даже и вѣровать, если бы не способны были о семъ разсуждать! Всякой, кто дошелъ до того состоянія, что здравый разумъ даетъ ему возможность разумѣть то, во что онъ прежде вѣровалъ безъ пониманія, безъ сомнѣнія, находится въ лучшемъ положеніи, нежели тотъ, кто остается еще съ однимъ желаніемъ понять то, во что вѣруетъ онъ. Если же не имѣется даже и желанія этого, если воображаютъ себѣ, что въ такомъ положеніи и слѣдуетъ держаться относительно Вѣры, вмѣсто того чтобы одушевляться полнѣйшимъ желаніемъ разумѣнія ея; то это значило бы не имѣть понятія ни о цѣли, ни о спасительномъ вліаніи Вѣры. Ибо здравая и спасительная Вѣра не бываетъ безъ надежды и любви; поэтому надобно согласиться, что истинно вѣрующій не только вѣруетъ въ то, чего еще не видитъ, но и сильно желаетъ увидѣть предметъ своей вѣры, подвизается для этого и надѣется достигнуть того.» (*)

(*) Долженъ ли разумъ предшествовать вѣрѣ, или вѣра предшествовать разуму? Приведенное изъ Августина вмѣсто заключаетъ въ себѣ непрямой отвѣтъ на этотъ тонкій и затруднительный вопросъ и можетъ служить пособіемъ къ его разрѣшенію.

Первоначально вѣра не можетъ обойтись безъ предварительной дѣятельности разума, рѣшающей вопросъ объ основаніи авторитета вѣры; и изъ рѣшенія этого вопроса составляются всѣ многочисленныя доказательства Божественности Христіанской Религіи. Точно ли то и другое сказано Богомъ? При изслѣдованіи этого вопроса во всей его обширности, очень справедливо говорится, что разумъ долженъ предшествовать вѣрѣ.

Итакъ не составляетъ ни новости, ни дерзости смѣлости избранный нами методъ изслѣдованія христіанскихъ истинъ, методъ, состоящій въ томъ, чтобы продолжать дѣятельность разума даже от

Оно такъ должно быть; ибо ничто, касающееся души человѣческой, не можетъ совершиться въ чуждѣ къ безъ участія его разума.

Добившись утвердительнаго отвѣта на предложенный вопросъ, разумъ долженъ уступить шагъ вѣры, и это онъ обязанъ сдѣлать по уваженію къ требованіямъ его собственныхъ законовъ; ибо онъ же самъ открыто признаетъ правило: *Богъ сказалъ; следовательно, надобно вѣрить Его слову*. И такая вѣра не слѣдуетъ напротивъ очень ясна по своему началу; ибо если разумъ вѣритъ такимъ истинамъ, которыхъ непосредственныя основанія не находятся въ его сознаниі, таковы: о Троицѣ, о воплощеніи, о паденіи и искупленіи и о всѣхъ тайнахъ; то вѣруетъ однакожъ въ эти истины не безъ основанія; потому что онъ имѣетъ уже на своей сторонѣ достаточныя основанія *посредствующія*, таковы: пророчества, чудеса, утвержденіе распространеніе Христіанства, и все доказательство Божественности Откровенія. Въ этомъ самомъ представляется документъ разума, уполномочивающій насъ вѣрить всему тому, что содержится въ Откровеніи; когда потомъ, при подробномъ изученіи, мы встречаемся съ тою, или другою тайною, съ тѣмъ или другимъ постановленіемъ, либо заповѣдію Христіанства, то мы дѣйствуемъ на основаніи того же документа разума, только извлекаемъ слѣдствія посредствомъ логики. Напротивъ, раціоналисты, очевидно, поступаютъ вопреки требованій здраваго разума, когда пытаются оспорить положеніе разума, что если *Богъ сказалъ, то надобно покориться Его слову*.

Но изъ того, что мы не должны прерывать слѣдствій

осительно предметов Вѣры, здраво понимаемой. На его сторонѣ стоятъ авторитетъ и примѣръ древнихъ отцевъ и учителей Церкви, и въ частности

Божію, слѣдуетъ ли, что мы не должны стараться выразумѣть и понять его? Ужели наша покорность слову Божію, ясная относительно своего начала, должна быть слѣпа относительно своего предмета? Это заблужденіе не менѣе пагубно, какъ и означенное заблужденіе рационалистовъ: ибо если первое противно достоинству вѣры, то второе столько же противно природѣ разума, который непрестанно желаетъ и ищетъ свѣта. Не такой покорности требуетъ Церковь: вмѣсто того, чтобъ ограничивать разумъ, требуемая отъ него покорность служить для него средствомъ къ болѣе высокому развитію. Ограничиваемый такимъ образомъ силою высшаго авторитета, какъ перваго основанія, покорный разумъ не останавливается въ бездѣйствіи предъ своимъ предметомъ, благоговѣтъ предъ нимъ, но, благоговѣя, углубляется въ него и старается найти въ немъ вторичныя основанія для разумнаго принятія его, чего, конечно, здѣсь на землѣ онъ никогда достигнуть вполне не можетъ, но можетъ находить ихъ тѣмъ больше, чѣмъ съ большимъ смиреніемъ и болѣею покорностію будетъ относиться къ своему предмету. Въ этомъ смыслѣ справедливо говорится, что *Вѣра должна предшествовать разуму....*, но для того, чтобы подвигать его впередъ.

Такъ разумъ всегда дѣйствуетъ въ этой Божественной кушлѣ; только надобно при семъ различать въ немъ два рода дѣятельности, два рода отношеній: первое отношеніе авторитета, которое предшествуетъ Вѣрѣ и ограничиваетъ разумъ; другое отношеніе пониманія, которому предшествуетъ Вѣра и которое сильно желаетъ открыть разумъ.—Первое отношеніе есть основаніе Вѣры: *послушаніе ваше да будетъ ра-*

блаженнаго Августина; по этому намъ кажется этотъ методъ очень можетъ быть освобожденъ отъ того запрещенія, которымъ онъ какъ бы пораженъ былъ столь долгое время, особенно въ послѣдній вѣкъ.

зумно; второе отношеніе есть слѣдствіе и награда за первое: *спруй, чтобъ уразумѣть.*

Такимъ образомъ Религія этою дивною экономіею уравниваетъ наши права съ обязанностями нашими и удовлетворяетъ однимъ посредствомъ другія, предохраняя тѣ и другія отъ уклоненія съ пути истины. Начинаетъ она признаніемъ того величественнаго права, которое мы имѣемъ отъ Бога и по силу котораго мы подобны Ему, права—дѣйствовать разумно: этимъ она даетъ намъ побужденія къ вѣрѣ, которой отъ насъ требуетъ. Но удовлетворя такимъ образомъ разуму, Религія вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаетъ на насъ обязанности сердца; удовлетворя праву, она выводитъ обязанность—*спры*; и это въ соотвѣтствіе тому отношенію, въ которое она поставляетъ разумъ. Отношеніе это для многихъ представляется неудовлетворительнымъ только потому, что сердце втайнѣ противится вытекающимъ изъ него обязанностямъ вѣры и любви. Эта обязанность вѣры сама въ себѣ не налагаетъ цѣпей на дѣятельность разума; напротивъ разумъ, находя удовлетворительными побужденія къ вѣрѣ, продолжаетъ свою дѣятельность въ отношеніи къ самому предмету вѣры, но только по неизмѣнному условію предшествующей вѣры, и лучше—подъ прикрытіемъ и на крыльяхъ вѣры; вѣра, очищая сердце, изошряетъ и просвѣтляетъ умъ и дѣлаетъ его болѣе и болѣе способнымъ выносить полный свѣтъ истины. Удивительное согласіе между вѣрою и разумомъ, между умомъ и сердцемъ, между истиною и любовію, между благоговѣйнымъ долготваріемъ и щедродательностію Творца!

Но считаемъ нужнымъ предупредить, пусть никто не обманывается на счетъ цѣли нашихъ намѣреній и значенія высказанныхъ нами предложеній: мы далеки отъ намѣренія подвергать критической оцѣнкѣ написанныя въ защиту Христианства сочиненія нашихъ предшественниковъ. Мы не довѣряли бы сами себѣ, если бы у насъ оказалось серьезное разногласіе съ ними; ибо кромѣ знанія и опытности въ тѣхъ истинахъ, которыхъ они были учителями, у нихъ были столь чистыя намѣренія, что нельзя не допустить особеннаго содѣйствія имъ въ этомъ дѣлѣ и со стороны Бога. Мы совершенно знаемъ, что по тому времени, когда они писали, методъ, ими употребляемый, былъ наилучшій. Въ ту пору, когда яростное неистовство философскихъ предубѣжденій поставило себѣ цѣлю разрушать только все и съ святотатственнымъ легкомысліемъ играть истинами Божественными, что лучшее можно было сдѣлать, какъ только запереть святилище и защищать его совнѣ? Мы понимаемъ также, что до этой поры, когда разумъ человѣческій сохранялъ еще уваженіе къ первоначальной вѣрѣ, было благоразумно, съ предоставленіемъ усердію каждаго дѣлать попытки къ разумной истинѣ христіанскихъ, не возбуждать насильно и чрезъ мѣру этого самаго въ себѣ законнаго расположенія, преждевременнымъ вызовомъ къ философскому изслѣдованію догматовъ, уже извѣстныхъ всякому изъ обыкновеннаго наставленія и преимущественно изъ практики. Но мы живемъ уже не въ эти счастливыя времена и не въ тѣ злополучныя времена, которыя за оными послѣдовали. Теперь господствуетъ рѣшительное невѣдѣніе временъ простодушныхъ

и полная философская взыскательность времени позднѣйшихъ. Это уже не гордый разумъ, пищи господства, а разумъ развитый, изощренный, требующій себѣ здоровой пищи.

Религія Христова, предназначенная для всѣхъ возрастовъ и въ своей Божественной сущности заключающая спасительную пищу для всѣхъ поколѣній, такъ же какъ и для каждаго человѣка въ частности, соотвѣтственно развитію духа человѣческаго видоизмѣняющая свои единственные и неизмѣнныя въ сущности, питательныя стихіи отъ млека для младенцевъ до твердой пищи для совершеннаго человѣка,—болѣе, если можно такъ сказать, сжимающаяся, когда ограничивается одною вѣрою, чѣмъ когда развивается разумніемъ. Религія Христова, по моему убѣжденію, въ настоящее время, даже и по отношенію къ догматамъ, должна быть представляема философически. Это выраженіе, здраво понимаемое, не заключаетъ въ себѣ ничего страшнаго или опаснаго для младенцевъ въ просвѣщеніи, каковымъ именемъ называется простодушно вѣрующихъ самъ Божественный Основатель Христіанства. Это и возможно, потому что есть въ людяхъ степенность и искренность, и необходимо, потому что отлагательствомъ не во время только питались бы предубѣжденія и предрасудки, которые не замедлятъ образоваться въ головахъ праздныхъ, по жаждущихъ дѣятельности.

И такъ наступило время приподнять завѣсу и показать, что эти, къ удивленію, *старые*, какъ ихъ называютъ, догматы христіанскіе, которымъ и при одной силѣ вышнихъ доказательствъ, здравый разумъ не могъ отказать въ своемъ довѣрші, ко-

да даже онъ ничего ни понималъ въ нихъ, заключаютъ въ себѣ такую удивительную и совершенную мудрость, что ихъ однихъ достаточно для доказательства ихъ небснаго происхожденія, хотя бы даже не было доказательствъ внѣшнихъ. Догматы эти подобны драгоценнымъ камнямъ, которые не только отражаютъ и усиливаютъ падающій на нихъ свѣтъ, но даже, когда разъединяются съ свѣтомъ, имѣютъ свойство и въ темной средѣ сіять собственнымъ огнемъ.

Мы уже говорили объ этомъ, но это обстоятельство такого рода, что объ немъ никогда нельзя достаточно высказаться: отличіе христіанскаго ученія отъ системъ человѣческихъ состоитъ въ томъ, что тогда какъ эти системы, посредствомъ непрочныхъ выводовъ, съ трудомъ доходятъ до заключеній, долгое время какъ бы висящихъ въ воздухѣ и часто оспариваемыхъ, въ Христіанствѣ можно дѣлать заключенія на каждомъ шагу, всегда приходя къ заключенію нарастающему, или лучше сказать, безконечному; ибо истины его безконечны, какъ Богъ и всегда даютъ возможность чувствовать и сознавать ихъ безконечность. (*) Истины христіанскія, съ какой бы стороны ни разсматривали ихъ, имѣютъ на своей сторонѣ множество

(*) Мы уже видѣли это въ концѣ трактатовъ: *о необходимости вторичнаго откровенія, о Моисей, о жертвахъ, о всемірныхъ преданіяхъ, объ ожиданіи Искупителя* и въ обстоятельствахъ, касающихся пришествія и царства Іисуса Христа; во всѣхъ этихъ мѣстахъ мы могли при всякомъ случаѣ вывести такое заключеніе, которое, будучи само по себѣ совершенно удовлетворительно, послужило бы основаніемъ для составленія общаго заключенія, необъятнаго по своему содержанию.

доказательствъ, разнообразныхъ до безконечности, но всегда ведущихъ къ одному общему средоточию, — основанію вѣры, которое представляется непостижимымъ только потому, что ослѣпительнъ его собственннй чрезмѣрный свѣтъ. Но когда рассматриваютъ его постепенно и взоромъ приученнымъ къ послушанію, это основаніе въ свою очередь становится средоточіемъ очевидности, изъ котораго разливается свѣтъ на все прочее.

Такое единство христіанскихъ истинъ, при чрезвычайномъ разнообразіи наблюденій и доказательствъ въ ихъ пользу, можетъ быть удачно выражено только нѣколькимъ положеніемъ: *omne esse in toto et tota in qualibet parte*. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, когда Христіанство имѣетъ Божественное достоинство; безъ этого въ немъ не было бы такого свойства. Это-то и составляетъ печать дѣла Божіихъ и характеръ той вѣчной Премудрости, которая, *будущи едина, все можетъ, всегда неизмѣнна, все обновляетъ и, могущественно стремясь къ своей единственной цѣли, распорядается всѣми средствами кротко* (Премуд. 7, 27. 8, 1).

Скажемъ лучше, было бы удивительно, было бы наперекоръ природѣ вещей, когда бъ это дѣло столь простое и вмѣстѣ глубокое, столь единственное и вмѣстѣ необъятное, было произведеніемъ человѣческимъ, когда бъ оно могло образоваться, установиться и непоколебимо поддерживаться средъ непрестаннаго прилива и отлива нашихъ мнѣній, нашихъ желаній и нашихъ земныхъ случайностей, если бы десница Божія не была надъ нимъ.

Эта мысль должна господственно руководить всѣми нашими изслѣдованіями. Мы уже касались

и несколько; но здѣсь надобно было повторить ее; такъ какъ болѣе и болѣе будутъ встрѣчаться частые случаи примѣнять ее къ дѣлу.

Но не все люди одинаково способны понять съ перваго раза эту Божественную гармонію; и эта разность не только прореходитъ отъ природнаго свойства ихъ умственныхъ способностей, но также зависитъ отъ силы воли ихъ, а часто и отъ заботъ, которымъ они предаются вслѣдствіе занятій по своему состоянію. Отсюда необходимость для желающихъ посвятить себя этимъ высокимъ созерцаніямъ (если они еще не владѣютъ предметомъ ихъ по вѣрѣ), — посреде вомъ размышленія вводить въ сознаніе ихъ этотъ предметъ съ помощью метода философскаго, который успѣшно помогаетъ слабости ихъ умственнаго взора, еще непривычнаго къ свѣту, и посредствомъ тихихъ переходовъ руководитъ ихъ отъ свѣта къ свѣту, пока не приведетъ къ самому свѣтоносному средоточію, фокусу истины.

По этимъ причинамъ мы отнесли къ третьей части доказательства *внѣшнія*, которыя могутъ быть лучше оцѣнены и приняты, когда будетъ извѣстно, что не отъ нихъ однихъ зависитъ вѣра; по этому же мы отдали первое мѣсто доказательствамъ *предварительнымъ*, пролагающимъ путь къ надлежащему разумнѣю доказательствамъ *внутреннихъ*, составляющихъ центръ нашего плана; такъ какъ они болѣе соотвѣтствуютъ настоящему настроенію умовъ.

Въ семь случаевъ мы слѣдовали методу, съ поэтическою живостію начертанному Платономъ въ прекрасной аллегоріи *пещеры*. Этотъ философъ, о которомъ недаромъ говорятъ, что онъ былъ чело-

вѣчески. иъ предисловіемъ къ Евангелію, представляетъ какъ извѣстно, невѣжество людей здѣсь на землѣ о верховномъ благѣ подъ образомъ несчастныхъ преступниковъ, брошенныхъ въ глубокія пропасти темной пещеры, и которыхъ отдѣлили отъ дневнаго свѣта длинные переходы, извиристо вырытые въ подземельи. Здѣсь они живутъ съ самаго дѣтства, скованные цѣпями за шею и по ногамъ осужденные оставаться безъ движенія въ своихъ цѣпяхъ, не имѣя даже возможности поворотить головою, они видятъ только тѣ предметы, которые у нихъ передъ глазами, между тѣмъ какъ позади ихъ, на извѣстной высотѣ, вдали блеститъ огненное сіяніе. Между ними и этимъ пламенемъ проходятъ дѣйствительные предметы, тѣни которыхъ движутся на днѣ пещеры, въ той именно сторонѣ, которую только и могутъ видѣть эти несчастные, и, привыкнуши видѣть однѣ только эти тѣни, они принимаютъ ихъ за дѣйствительность.

«Но, говоритъ Платонъ, разобьемъ ихъ цѣпи. Одинъ изъ узниковъ освобожденъ; онъ тотчасъ поднимается, поворачиваетъ головою, идетъ и поглядываетъ на очагъ свѣта; но, оцуща слабость вынести такое испытаніе, ослѣпленный слишкомъ сильнымъ свѣтомъ, онъ захочетъ убѣжать и обратиться къ тому, что его не ослѣпляетъ: вотъ, скажетъ онъ, дѣйствительность.»

«Теперь выведемъ его изъ этой пропасти пусть онъ идетъ за нами по этимъ труднымъ, утесистымъ переходамъ; вытянемъ его, противъ воли его, на свѣтъ дневной: какъ онъ дрожитъ отъ этого насилія, какъ сердится! Вдругъ его взоръ поражается дневнымъ свѣтомъ; его глаза, переполненные большимъ количествомъ свѣта, не различаютъ

и одного изъ предметовъ, которые мы называемъ действительными. Такая внезапная перемена осѣбляетъ его; и только мало по малу онъ начнетъ примѣчать и разсматривать этотъ міръ, совершенно для него новый. Сначала легче будетъ останавливаться ему взоромъ на тѣняхъ; потомъ на отображеніяхъ людей и другихъ земныхъ существъ, которыя будутъ представляться ему въ зеркаль воды, а за тѣмъ и на самихъ этихъ существахъ; впоследствии онъ будетъ разсматривать небеса, прикрытыя ночнымъ сумракомъ, луну и созвѣздія, которыхъ умѣренный свѣтъ не столько будетъ осѣбшителенъ для него, какъ солнце и свѣтъ дневной. Наконецъ и отъ солнца, уже не въ слабости образъ его, отражающемся въ водахъ, или сияющемъ на поверхности земной, но отъ самаго солнца онъ не станетъ отворачиваться, но смѣло будетъ поговаривать имъ на его воздушномъ престоли. Въ это положеніе онъ придетъ только тогда, когда въ этомъ свѣтилѣ признаетъ причину годичныхъ переменъ и времени года, царя этого видимаго міра и начало всего, что поражаетъ чувства человѣческія. Таковы должны быть постепенно развитіе и усилхи его разума.»

«Это изображеніе нашего положенія. Подземная темница—это міръ видимый; огонь, бросающій свѣтъ во мракъ этой темницы,— это наше солнце; узникъ, выходящій оттуда на поверхность земли, предъ глазами котораго открывается новое зрѣлище, это душа, восходящая къ источнику разума. Да, въ отношеніи души нашей я признаю эту благородную надежду. Разумно ли это? Богъ знаетъ. Я смѣло высказываю мысли, во мнѣ ро-

дивніися...(*). Но какъ узники подземелья могли обрѣсти свои взоры отъ тьмы къ свѣту не иначе какъ съ обращеніемъ всего тѣла; такъ и разуму, этой могущественной способности души, надобно со всѣми силами душевными отрѣшиться отъ существъ сотворенныхъ, дабы беспрепятственно созерцать вѣчный свѣтъ Творца. О человекъ, вотъ верховное благо, тебѣ обѣщанное!» (**)

(*) Можно сказать, что тутъ апогей разума. Однако что это? не болѣе, какъ мечта, надежда, воздыханіе о верховномъ благѣ. Но Иисусомъ Христомъ это верховное благо такъ близко къ намъ поставлено, что самыя обыкновенныя умы въ обыкновенномъ ходѣ жизни обладаютъ и пользуются тѣмъ, о чемъ только гадалъ Платонъ въ порывахъ своего созерцательнаго генія.

(**) Republic., I. VII. Въ послѣднихъ подчеркнутыхъ словахъ Платонъ чрезвычайно хорошо выражаетъ то, чемъ мы неоднократно съ такою настойчивостію говорили, именно, что изученіе истинъ религіозныхъ есть дѣло не одного разума, но *всѣцѣлой души*, т. е. и сердца и воли, которыя должны отрѣшиться отъ существъ сотворенныхъ и *наздѣльно* обратиться къ верховному благому, или лу же раскаяться, *измѣниться*; это полное выраженіе и стоящей мысли.

I

Яковъ животь нашъ....

(Погреб. мірс. члов.)

Вотъ образъ намъ жизни земной:

Она исчезаетъ, какъ утромъ роса,

Какъ дымъ мимолетный, какъ цвѣтъ полевой...

Смотрите,—гдѣ тѣла былая краса?

Подъ саваномъ узкимъ въ тиши гробовой...

Гдѣ зоркія очи? Гдѣ юность былая?

Гдѣ плоти видъ прежній?... Вездѣ разрушенья!...

Все сгнбло, какъ гибнетъ трава полевая...

Надемъ же предъ Богомъ въ усердномъ моленьи,

Слезу сокрушенья къ Нему проливая.

II

Плачу и рыдаю...

Какимъ душа полна томленьемъ,

Какъ много въ ней тревожныхъ думъ,

Когда о смерти размышленьемъ

Бываетъ занять гордый умъ!

Когда на днѣ сырой могилы

Я вижу тѣло мертвеца;

Когда, въ замѣнъ и чувствъ, и силы,

И красоты его лица,

Лишь на челѣ его темнѣеть

Безславья черная печать:

То мудрый умъ тогда пѣмѣть,

И какъ мнѣ хочется рыдать!

И чудо!.. Что это за тайна

Бываетъ съ нашимъ существомъ?!..

Ужель, какъ пѣжный цвѣтъ, случайно

Мы всё завянемъ и умремъ?

Какою силой обаянья,

И кто насъ тлѣть заставить могъ?

И сердце вѣрить: въ возданье

За грѣхъ послалъ намъ это Богъ!

М. Островскій

15 Ноября 1863 г.

II

Съ дозволенія цензуры. 2 Марта 1867 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи А. А. Студенецкаго, на Дворянской